

НИНА
Роктистова

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й
Л Ю Б О В Н Ы Й
Роман

РАЗВОД В 45

Уходи и дверь закрой

Нина Феокистова

Развод в 45. Уходи и дверь закрой.

«Автор»

2026

Феоктистова Н.

Развод в 45. Уходи и дверь закрой. / Н. Феоктистова — «Автор», 2026

В свой сорок пятый день рождения Даша чувствует себя счастливой: муж Сергей устроил шикарный праздник, рядом любимые подруги, впереди — долгая и счастливая жизнь. Но идеальный вечер разбивается вдребезги, когда она застаёт мужа в объятиях своей лучшей подруги Ольги. Оказывается, их тайный роман длится два года, а Сергей признаётся: он давно разлюбил Дашу и оставался рядом с ней только из жалости. Вместо объяснений героиня получает унижительное «иди к гостям, не порти мою репутацию». Развод, пустая квартира, попытки осознать, где была правда, а где ложь — первые дни после предательства становятся испытанием на прочность. Но ее поддерживают подруга Катя и дочь Олеся и внутри постепенно прорастает решимость начать всё заново. «Развод в 45. Уходи и дверь закрой» — это история о том, как можно рухнуть на дно и не сломаться, вычеркнуть из жизни тех, кто предал, и заново научиться дышать. О том, что иногда самый страшный подарок судьбы становится началом настоящей свободы.

© Феоктистова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Развод в 45. Уходи и дверь закрой.

Глава

Глава 1.

Сегодня мне исполнилось сорок пять лет.

Праздновали мой День Рождения в шикарном ресторане: он сиял неоновыми огнями, играла музыка, гости веселились и танцевали. Мы сняли банкетный зал в нашем любимом итальянский рестораничке на набережной. Всё было просто идеально: красивые воздушные шары, длинный стол с закусками, торт, который должны были вынести позже. Я кружилась в танце с подругами, смеялась, ловила комплименты. Сергей, мой муж, весь вечер был рядом, держал меня за руку и улыбался гостям. Мне так повезло, он лучший муж на свете!! Сам, один, организовал мне этот праздник. Я была так ему благодарна за это!

Ольга, моя лучшая подруга, пришла с огромным букетом пионов. Мы обнялись, она шепнула мне на ушко: «Ты сегодня королева». Мы дружили еще с института, она знала меня лучше всех. Я была несказанно счастлива: все самые близкие пришли меня поздравить.

— Догоняйте! — крикнула мне Катька, утаскивая Ольгу в круг танцующих. Сергей чокнулся со мной бокалом и поцеловал в висок: «Милая, я отойду ненадолго, не скучай без меня!»

Через какое-то время, я почувствовала, что мне пора освежиться.

— Я сейчас, — улыбнулась я гостям, чувствуя, что пора уже поправить макияж после третьего тоста. — Танцуйте пока без меня.

Я выскользнула из зала и направилась в туалет. В коридоре играла приглушённая музыка, пахло духами и сигаретами из курилки. Дверь в женскую комнату была приоткрыта, оттуда доносились приглушенные голоса. Я толкнула дверь, вошла и замерла.

Они стояли у раковины. Сергей страстно прижимал к себе Ольгу, мою лучшую подругу. Его руки зарылись в её волосы, её же пальцы сжимали его пиджак. Они целовались. Жадно, страстно, забыв обо всём на свете. В отражении зеркала я видела их лица: счастливые, пьяные друг от друга.

Я не вскрикнула, только непроизвольно уронила клатч. Молча стояла и смотрела, как рушится моя жизнь в туалете ресторана в мой день рождения, пока наши гости танцуют за стенкой.

Ольга открыла глаза первой. Увидела моё отражение и дёрнулась так, будто её ударили током. Резко отпрянула от Сергея, ударилась спиной о край раковины. Губы, которые только что целовал мой муж, приоткрылись в беззвучном крике.

— Даша... — выдохнула она. Лицо пошло красными пятнами, глаза заматались. — Это не то, что ты подумала...

Сергей обернулся медленно, будто нехотя возвращаясь в реальность. Поправил свой пиджак, провёл рукой по волосам. И только спокойно, без капли волнения посмотрел на меня.

— Как давно... это между вами? — спросила я. Голос был чужой, сиплый.

Он усмехнулся уголками губ.

— Два года, Даша. Я думал, что ты раньше обо всем догадаешься. Хорошо, что ты узнала, я устал ждать, когда ты наконец-то перестанешь смотреть на мир через розовые очки.

Ольга всхлипнула, прижала ладонь ко рту. Я смотрела на неё и не узнавала ее. Куда делась моя подруга? Эта женщина с виноватыми глазами была чужой для меня.

— Я люблю Ольгу, — продолжил Сергей, делая шаг в мою сторону, заслоняя её собой. — Давно люблю. А тебя я уже давно разлюбил. Я не уходил раньше, потому что жалел тебя. Ты же никчемная, не приспособленная к жизни совсем.

Жалел... Он меня жалел. Пятнадцать лет он спал со мной в одной постели, занимался со мной любовью и при этом меня жалел.

— Я подам на развод сам, — добавил он, в голосе появились металлические нотки, словно он разговаривал не со мной, а с чужим человеком. — За своими вещами заеду на следующей неделе.

Я перевела взгляд на Ольгу. Она стояла, закрыв лицо руками и беззвучно плакала. Слезы катились по лицу, падая на пол. У неё даже плакать получалось красиво: как в кино. Правда, помада чуть размазалась после его поцелуев, но это уж пустяки. Вообще весь ее вид кричал о том, какая она бедная и несчастная.

Из-за двери донеслись звуки музыки, смех гостей. Там кружились в танце пары, кто-то наливал шампанское, кто-то ждал моего возвращения, чтобы поднять очередной бокал за мое здоровье. А я стояла здесь, в туалете, и понимала, что двое самых близких людей предали меня.

Сергей вдруг усмехнулся.

— Иди к гостям, — сказал он. — Не хватало ещё, чтобы все об этом узнали. Испортишь мою репутацию.

Я посмотрела на него и вдруг поняла: ему плевать на меня. Ему правда плевать на меня, на мою боль, на всё. Он волнуется только о том, как бы сохранить лицо перед гостями.

Я разжала пальцы. Клатч грохнулся об кафельный пол, содержимое рассыпалось: помада, ключи, мой телефон. Экран моментально разлетелся паутиной трещин. Ольга вздрогнула и зажала рот рукой, чтобы не закричать.

Я смотрела на них двоих: на Ольгу, которая украла моего мужа, и на Сергея, который пятнадцать лет был моим мужем. Хороший же они подарок сделали на мое день рождения, никогда его не забуду!

— Никогда вас не прощу, — сказала я очень тихо.

Развернулась и вышла. Ноги не слушались, но я упорно шла. Мимо зеркал, мимо двери в зал, откуда доносилась музыка. Я открыла входную дверь, вышла на набережную прямо под проливной дождь.

Ветер с реки ударил в лицо, принося с собой запах сырости. Фонари отражались в тёмной ряби, где-то смеялась веселая компания, пахло шашлыками. За моей спиной в ресторане продолжался праздник. Мой праздник. Без меня.

Я вдохнула полной грудью и вдруг поняла одну простую и страшную вещь: все, что считала своей жизнью последние пятнадцать лет, было ложью. И мой муж совершенно прав, я не представляла, как я буду жить одна...

Глава 2.

Я шла вдоль набережной, не разбирая дороги. Дождь хлестал по лицу, смешивался со слезами, но я их уже не чувствовала. Каблуки скользили по мокрой плитке, где-то на полпути я сломала один, потом скинула туфли и пошла босиком. Холодный асфальт, гравий, лужи — всё равно. Боль в ногах казалась такой незначительной по сравнению с той, что разрывало мою грудь.

Я не знала, куда иду. Домой? В нашу квартиру, где ещё утром мы пили кофе, а он целовал меня и говорил: «Ну что, именинница, готова принимать поздравления?» Как он мог? Как он мог смотреть мне в глаза и нагло врать при этом? Целых два года?!

Я остановилась под козырьком закрытого магазина, прислонилась спиной к холодной витрине и попыталась вдохнуть. Воздуха не хватало, легкие горели, горло перехватило спазмом. Я простояла так, наверное, минут десять, глядя, как по стеклу стекают струйки воды. Внутри было пустота. Как будто из меня вынули душу и растоптали.

В кармане пальто завибрировал телефон. Я вытащила его: экран был разбит, но он работал. Звонили подруга Катя, она наверное меня потеряла. Я сбросила вызов, сил не было ничего объяснять. Потом звонила Ольга, следом Сергей. Я смотрела на фотографию, которая стояла

на его вызове, там он обнимал меня на пляже и не могла понять одного: этот человек существовал? Или я его сама придумала?

Потом отключила телефон и закинула его в сумку.

Я вызвала такси, назвала свой адрес. Водитель всю дорогу косился на меня в зеркало, на мое мокрое платье, на туфли в руке, но молчал. У дома я с ним расплатилась, не глядя, сколько отдала, и вошла в подъезд.

Там пахло чьим-то ужином, в углу стояла коляска. Всё как всегда. Я нажала кнопку своего этажа и смотрела, как загораются цифры. Двери открылись. Я вышла на площадку, достала ключи. Рука уже не дрожала. Это меня даже удивило.

Квартира встретила меня тишиной. Я зажгла свет в прихожей и остановилась. Всё лежало на своих местах: его тапочки у порога, мой халат на стуле, на вешалке висела его куртка, которую он надевал утром. На кухонном столе недопитый кофе и букет роз, который он поставил в вазу, пока я красилась в спальне. «Это тебе, любимая». Любимая. Слово, которое теперь звучало как пощёчина.

Я прошла в спальню, не снимая мокрого пальто. Сев на край кровати, уставилась в одну точку. В голове крутилась одна и та же картинка: его руки, которые обнимали Ольгу и его лицо, когда он обернулся ко мне.

Я легла прямо так в мокром, в вечернем платье, и уставилась в никуда. Телефон молчал. Ах да, я ж его отключила! Впервые за много лет я была одна.

Под утро я всё-таки встала, сбросила с себя мокрую ткань, залезла под горячий душ. Стояла, смотрела, как вода стекает по телу, и пыталась вспомнить: когда он перестал меня хотеть? Когда я перестала быть для него женщиной? Он сказал: «Я жалел тебя».

Я выключила воду, насухо вытерлась, надела его футболку. Не потому, что хотела чувствовать его запах. Просто она была первой, что попало под руку. Я легла на его сторону кровати, свернулась калачиком и провалилась в тяжёлый сон без сновидений.

Проснулась я от звука поворачиваемого ключа в замке. Я села, сердце бешено заколотилось. Раздался щелчок, потом хлопнула входная дверь. Я услышала шаги в прихожей. Он вернулся. Хотя сказал, что заберет свои вещи через неделю.

Я вышла в коридор. Сергей стоял у кухонного стола, наливая себе воду. При моём появлении он не вздрогнул, не удивился. Только посмотрел на меня: устало так, но почти спокойно.

— Ты почему не отвечала на звонки? — спросил он. Голос был такой обыденный, будто мы говорили о том, что я забыла купить хлеб.

Я промолчала.

— Звонила твоя подруга Катя, Ольга... — он запнулся на её имени, но быстро взял себя в руки. — В общем, все волновались за тебя. Ты ушла, никому ничего не объяснив.

Я всё ещё молчала. Смотрела на него, на эту знакомую фигуру в черной рубашке, которую я гладила сегодня утром, и не могла найти слов.

Он отставил стакан, прошёл в гостиную, сел в кресло. Потёр лицо ладонями.

— Давай поговорим спокойно, — сказал он. — Без истерик и скандалов.

— Я уйду сегодня, — продолжил он, не дождавись моего ответа. — Вещи заберу потом. Пока поживу у матери. Потом... — он вздохнул, — потом решим, как мы будем делить квартиру.

Я прислонилась к дверному косяку. Руки дрожали, но голос вдруг нашёлся.

— Ты два года спал с моей лучшей подругой, — сказала я тихо. — В нашем доме и в нашей постели вы тоже этим занимались?

Он поднял голову, нахмурился.

— Не надо так.

— Как так? Я хочу знать правду, скажешь не имею на это право?

Он встал, прошёл к окну, встал ко мне спиной.

— Ничего не было в нашей постели. Я не опускался до такого.

Я горько усмехнулась.

— Какая же ты благородная сволочь.

Он резко обернулся.

— Хватит! — он повысил голос. — Я виноват, я это знаю. Но давай без этой грязи. Мы оба взрослые люди. То, что я чувствую к Ольге...

— Не смей! — перебила я. — Не смей при мне произносить её имя. И не смей оправдываться. Ты меня предал. Два года ты врал мне в лицо. Каждое утро, каждый вечер, каждый раз когда ты говорил «я тебя люблю» — всё это было ложью. Ты просто использовал меня, Сергей. Или ты думаешь иначе?

Он стоял у окна, ссутулившись, и молчал.

Я смотрела на него и вдруг поняла, что не хочу ничего больше слышать. Ни объяснений, ни извинений, ни оправданий. Я хочу, чтобы он просто исчез. Прямо сейчас, прямо в эту минуту. Чтобы я не чувствовала его запах, не видела его вещи, все то, что напоминало о нём, перестало существовать.

— Забирай свои вещи и уходи, — сказала я. — Прямо сейчас.

Он вздохнул, кивнул и направился в спальню. Я отошла в сторону, пропуская его. Слышала, как он открывает шкаф, как он шуршит там пакетами. Я стояла в коридоре и чувствовала, как внутри что-то медленно умирает. Наверное то, что я называла любовью.

Через пятнадцать минут он вышел с двумя сумками. Остановился в прихожей, надел куртку.

— Ключи я оставил на тумбочке, — сказал он, не глядя на меня. — Если что-то понадобится, звони.

Я ничего не ответила.

Он открыл дверь, шагнул за порог и вдруг обернулся. Посмотрел на меня — впервые за всё утро — и я увидела в его глазах что-то похожее на сожаление.

— Прости меня, — сказал он и закрыл дверь.

Я осталась стоять в коридоре. Слышала, как открылся лифт, как затихли его шаги. В квартире стало тихо.

Я медленно сползла по стене на пол, обхватила колени руками и закрыла глаза. Где-то в груди ещё теплилась боль, но странно, я чувствовала и облегчение.

Всё закончилось.

Я осталась одна.

Глава 3.

Я просидела на полу в коридоре, наверное, час, а может и два. Время потеряло для меня всякий смысл. За окном светало, в доме просыпались соседи: хлопали двери, гудел лифт, из-за стены доносились голоса. А у меня внутри была тишина. Такая глубокая, что в ней утонули все звуки.

Я встала, когда затекли ноги. Прошла на кухню, налила воды. Сделала глоток и замерла с кружкой в руках, глядя на пустой стул, где ещё утром сидел Сергей. Его чашка осталась на столе — та, с трещиной на ручке, которую он не разрешал выбрасывать. Я взяла её, открыла мусорное ведро и выбросила ее. Потом зашла в ванную и стала собирать: его зубную щётку, его полотенце, его гель для душа. Всё, что попадалось под руку. Я носилась по квартире как ураган, сметая с полок его книги, его диски, его записные книжки. Руки дрожали, но я не могла остановиться. Квартира должна была перестать пахнуть им.

К обеду я выдохлась. Сидела посреди гостиной, окружённая кучей барахла, и смотрела на его вещи. Вот лежит свитер, который он надевал по воскресеньям. Флешка, которую вечно терял и потом искал. Фотография, где мы вместе на море. Я взяла её в руки. Мы там смеялись,

обнявшись, ветер трепал его волосы. Я любила этот кадр. А теперь он казался мне какой-то насмешкой.

Я разорвала фотографию пополам, потом ещё и ещё, пока мелкие клочки не рассыпались по полу.

Телефон я включила только вечером. Экран засветился, и посыпались уведомления. Сорок семь пропущенных. Сообщения от Катьки, от мамы, от коллег. Три — от Ольги. Я не стала их читать, просто стёрла не глядя. Позвонила маме.

— Дашенька, слава богу! — её голос дрожал. — Ты где? Что случилось? Серёжа сказал, вы с ним расходитесь? Я не верю... Как же так...

— Всё правда, мам. — Я говорила ровно, спокойно. — Мы с ним разводимся.

Она заплакала. Что-то говорила про то, что надо сохранить семью, что Сергей хороший человек, что я сейчас просто на эмоциях. Я слушала и понимала: она не знает всей правды. И никогда не узнает. Я не расскажу ей про Ольгу, про два года лжи, про тот эпизод в туалете ресторана. Зачем рушить её веру в людей?

— Мам, я очень устала, — перебила я. — Давай потом поговорим. Я тебе перезвоню.

И отключилась.

Следующие дни походили на замедленную съёмку. Я ходила по квартире, трогала его вещи, смотрела в окно. Ела через силу — раз в день, без аппетита. Спала урывками, всегда на его половине кровати, потому что там было легче дышать.

Катя приехала на третий день после дня рождения. Ворвалась в квартиру без звонка, с пакетом продуктов, увидела меня в халате, с грязными волосами, и не стала задавать лишних вопросов. Просто крепко обняла и прижала к себе.

— Всё, хватит — сказала она твёрдо. — Хватит себя жалеть. Мы сейчас с тобой идём в душ, потом я готовлю тебе нормальный ужин, и ты мне всё по-порядку рассказываешь.

Я не хотела об этом вспоминать вслух. Но слова вырвались сами собой. Я рассказывала, а Катка сидела напротив, сжимая кружку так, что побелели костяшки. Она не перебивала меня, только в конце выдохнула:

— Я убью их обоих.

— Не надо, — устало ответила я.

— Ты прости меня, — она вдруг схватила меня за руку. — Я ведь знала, чувствовала что медок ними что-то есть. Однажды, он на неё смотрел не отрываясь на каких-то посиделках. Но я думала, мне это кажется. Почему я ничего не рассказала тебе об этом? Вот же дура!

Я покачала головой. Катка тут была совершенно ни при чём.

— Он меня жалел, — повторила я то слово, которое въелось в память. — Представляешь? Он два года спал с моей лучшей подругой и жалел меня при этом.

Катка вдруг громко, по бабьи заплакала. Впервые за всё время я увидела, как плачет эта железная женщина. И почему-то именно её слёзы разбудили во мне что-то, что я заглушала все эти дни.

Я тоже разревелась. В голос, как в детстве, уткнувшись в Каткино плечо, и так мы сидели на кухне, пока за окном не стемнело и на улице зажглись фонари.

Через неделю я впервые вышла из дома. Купила продукты на ужин, прошла по набережной. Осенний ветер гнал листву, река была серой, небо хмурым. Я проходила мимо ресторана, где всё случилось. Окна банкетного зала горели тёплым светом, внутри, наверное, снова праздновали чей-то день рождения. Я постояла минуту, потом развернулась и пошла прочь.

Вернувшись, я достала мусорные пакеты и собрала всё, что ещё напоминало о Сергее. Даже те вещи, которые я не выкинула в первый день, оставив на всякий случай. Потом спустила пакеты в мусорный бак во дворе. Вернулась в квартиру и заказала в интернете новую мебель: диван, кровать. Я перекрашу стены. Я выведу его запах, его присутствие. Пусть даже придётся содрать обои голыми руками.

Вечером позвонил адвокат — Катка дала ему мой номер. Я назначила встречу на завтра.

Ложась спать, я вдруг поймала себя на мысли, что впервые за много дней не вспомнила момент измены. Не прокручиваю её в голове постоянно как кадр из фильма. Я просто легла и уснула без снов и без ноющей боли в груди.

А утром проснулась и поняла: я не боюсь остаться одна. Не боюсь больше одиночества. Не боюсь будущего.

Я боюсь только одного — что однажды снова поверю не тому человеку.

Но даже если и так, я уже знаю, как можно это пережить.

Я уже умею.

Глава 4.

Следующие две недели прошли в каком-то тумане. Я вставала рано утром, пила кофе, садилась за ноутбук и открывала графический редактор. Сначала просто бездумно водила мышкой, подбирала цвета, составляя композиции. Потом начала делать наброски для портфолио — то, что откладывала годами, оправдываясь усталостью или тем, что «надо сначала сделать работу, а потом уже своё».

Я уволилась с работы в издательстве, где числилась дизайнером. Написала заявление на второй день после того, как Сергей от меня ушёл. Не могла сидеть и видеть жалость в глазах людей, с кем я раньше работала. Коллеги звонили, пытались выяснить подробности, но я не хотела их жалости. Никто не понимал, почему наша семья, такая крепкая и счастливая на первый взгляд, вдруг распалась.

Я почти перестала проверять свой телефон. Катя звонила каждый день, но теперь уже не боялась за меня, я давно уже перестала плакать в подушку. Слезы закончились, осталась только тихая, глухая тоска, которая никак не хотела утихнуть. Скоро я стану свободной, муж сказал, что на днях подаст на развод. Но

эта свобода была горькой на вкус и перебить его. В пятницу вечером, когда я заканчивала очередной макет для портфолио, зазвонил телефон. Я молча глянула на экран: звонила дочка. Сердце тревожно ёкнуло. Леся училась в институте в соседнем городе, мы созванивались с ней каждый день, но по понятным причинам в последнее время было не до этого. Сегодня была пятница, у нее было много пар в и она никогда не звонила в этот день.

— Привет, мам, — голос у неё был спокойный, но я чувствовала в нем напряжение. — Как ты там?

— Всё нормально, — ответила я, стараясь говорить бодро. — А у тебя?

— Мам, не ври мне, — она вздохнула. — Бабушка мне всё рассказала. Вы с папой разводитесь. Почему ты мне сама не позвонила и все не рассказала?

Я закрыла глаза. Конечно, мама не смогла промолчать. Аня — её любимая внучка, и она, наверное, искала поддержки у неё, не подумав, что я хотела сама выбрать момент и обо всем рассказать ей лично.

— Я хотела... но чуть попозже, — сказала я осторожно. — Просто мне нужно было время разобраться во всём. Оlesia, это не телефонный разговор.

— Я приеду завтра, — отрезала она. — У меня нет пар в субботу.

— Леся, не надо, правда...

— Мам, я уже купила билет. Приезжаю в десять утра. Встретишь меня на вонзале?

Я не стала с ней спорить. Спорить с дочерью было бесполезно: она пошла в меня, такая же упрямая, только более резкая и прямолинейная. Сергей всегда говорил, что это она в него, но я знала: нестигаемость в характере ей досталась от меня, просто я долгие годы подстраивалась под мужа, всеми способами пытаясь ему угодить. Как показало время — зря я это делала.

— Встречу конечно, — ответила я. — Жду тебя.

— Целую, мам.

Я положила трубку и долго сидела, глядя на экран ноутбука с незаконченным макетом. Олесе скоро девятнадцать лет. Она учится на втором курсе филологического факультета, живёт в общежитии, сама зарабатывает себе на жизнь репетиторством, хотя мы с Сергеем всегда ей помогали. Она уже взрослая, но для меня она всё ещё была той девчонкой с косичками, которой я

читала сказки на ночь. Как я скажу ей правду? Как объясню, что её отец два года спал с моей лучшей подругой?

Я не хотела, чтобы она знала эту грязь. Не хотела, чтобы её отношение к отцу изменилось. Но и врать ей, как врал мне Сергей, я больше не могла.

В субботу утром я стояла на вокзале, вглядываясь в стеклянные двери, откуда высыпали пассажиры. Аню я увидела сразу — высокая, худая, в длинном пальто, с огромным рюкзаком за спиной. Она шла быстро, размашисто, и когда наши взгляды встретились, я вдруг поняла, что она похожа не на меня и не на Сергея. Она похожа на саму себя.

— Мам, — она подошла, крепко обняла, и я почувствовала, как от неё пахнет морозом и духами. — Ты очень похудела. И бледная такая стала.

— Привет, мое солнышко, — я улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка выглядела естественно. — Поехали домой.

В такси она молчала, крепко сжимая мою руку. Я смотрела в окно и думала о том, что сейчас мы войдём в нашу квартиру, где всё изменилось, и мне придётся отвечать на ее вопросы. Аня всегда была умной не по годам, она видела меня насквозь.

Дома она скинула с себя рюкзак, оглядела в гостиной новые стены, потом перевела взгляд на мой стол с ноутбуком и графическим планшетом. Подошла, долго смотрела на открытый файл с макетом, который я вчера не успела закрыть.

— Работаете? — спросила она тихо.

— Собираю новое портфолио, — ответила я. — Хочу найти что-то получше, чем то издательство, где я работала десять лет.

Она повернулась ко мне, и в её глазах я увидела ту самую взрослую, не по годам серьёзность.

— Рассказывай.

Я села на диван, она рядом. Я смотрела на её руки — длинные пальцы, которыми она перебирала край свитера, и вдруг поняла, что не могу ей врать.

— Твой отец... — начала я и запнулась.

— Я знаю все про Ольгу, — сказала Аня тихо. — Бабушка случайно проговорилась. Сказала, что папа ушёл к ней.

Я замерла.

— Ты все знаешь?

— Я догадывалась раньше, — её голос дрогнул, но она быстро взяла себя в руки. — В прошлом году, когда приезжала на каникулы, видела, как он смотрит на неё и она на него. Между ними разве что искры не летали. Но я думала, может мне просто показалось. А потом бабушка рассказала про них, и всё встало на свои места.

— Аня... — я взяла её за руку. — Прости меня. Я хотела сама тебе всё объяснить. Не знала, как.

— Мам, за что ты извиняешься? — она нахмурилась. — Это он должен просить прощения. И она тоже. А ты... — она вдруг всхлипнула, и я увидела, как её глаза наполняются слезами. — Как ты смогла это пережить? Я бы не выдержала, наверное...

Я обняла её, и мы долго сидели так, пока её плечи перестали вздрагивать. Моя сильная, взрослая девочка, которая оплакивала сейчас мою боль...

— Вначале я сходила с ума, — сказала я. — Сейчас мне уже лучше. Знаешь, вначале мне казалось, что мир рухнул. А потом... потом я поняла, что это не так. Просто из нее ушли два моих близких и любимых человека, но я же все равно не одна...

— Мамочка, я с тобой, — сказала Аня, вытирая слёзы.

— Я знаю, моя хорошая, — улыбнулась я. — Ты самое дорогое, что у меня есть. И ю никто не сможет тебя отнять у меня.

Мы проговорили весь день. Я рассказывала ей про то, что подала на развод, про адвоката, про квартиру, которую придётся продать и разделить. Аня слушала, иногда задавала вопросы, но без осуждения, без любопытства — только с болью за меня. А потом сказала то, что я не ожидала услышать.

— Мам, а может, это и к лучшему? — она посмотрела на очень меня внимательно. — Ты столько лет жила для него, для нас. А теперь... ты можешь пожить для себя. Найти работу, которую ты хочешь, встретишь другого мужчину...

Я усмехнулась.

— Ты говоришь как психолог.

— Я говорю как твоя дочь, — она улыбнулась. — Я же видела, что ты всю жизнь жила ради кого-то. Может, Вселенная намекает тебе, что пора что-то менять в своей жизни?

Я задумалась. В её словах была правда, которую я не хотела признавать даже себе. Все эти годы я была хорошей женой, хорошей подругой и хорошей матерью. Я подстраивалась под всех, сглаживала острые углы, молчала там, где надо было кричать. А когда надо было защищать себя, я просто уходила в сторону.

— Наверное, ты права, — сказала я медленно. — Я слишком долго была для всех удобной.

— Так перестань ее быть уже, — Олеся взяла меня за руку. — Ты же сильная, мам. Я знаю это. Просто ты забыла об этом. А теперь тебе нужно об этом вспомнить, иначе ты просто не в сможешь дальше жить.

Она уехала в воскресенье вечером, и я стояла на перроне, глядя, как поезд уносит уносит ее в даль. В руке у меня был маленький свёрток — она сунула его перед выходом, сказав: «Откроешь дома».

Дома я его развернула. Там была открытка, нарисованная ею самой: абстрактный узор, яркие цвета, и надпись: «Мама, ты у меня самая лучшая! Не бойся что-то менять в своей жизни. Иногда все, что делается, это к лучшему».

Я повесила открытку на холодильник, рядом с магнитами, и долго смотрела на неё. А потом села за ноутбук и открыла письмо, которое пришло на электронную почту ещё позавчера из крупной дизайн-студии, куда я отправила свое резюме. Они приглашали меня на собеседование.

В тот вечер я впервые за долгое время смотрела на себя в зеркало не с жалостью, а с интересом. Кто я теперь? Женщина, которую бросил муж?. Женщина, которую предала лучшая подруга?

Но я знала одно: я не хочу больше быть удобной. Не хочу, чтобы мной пользовались. Не хочу бояться быть сама собой.

Через три дня я пошла на собеседование. Надела строгий костюм, который давно уже висел в шкафу и ждал своего часа, накрашилась, сделала причёску. В зеркале отражалась незнакомая мне женщина: с твердым взглядом, уверенная в себе. Я улыбнулась ей.

В студии меня встретила арт-директор, молодая женщина с короткой стрижкой и внимательным взглядом. Она молча и сосредоточенно листала моё портфолио: там были работы, которые я успела сделать за последний месяц, и те, старые, что нашла в папках. Особенно долго она смотрела на мой макет, который я доделала вчера глубоко за полночь.

— А это что? — спросила она, ткнув пальцем в экран.

— Мой проект, — ответила я.

Она подняла глаза.

— У вас хороший вкус, Дарья. Чувствуется опытная рука. Но главное, я вижу, что вам нравится этим заниматься, вы получаете удовольствие от этой работы.

Я не стала спрашивать, как она это поняла. Наверное, это отобразилось в моих макетах.

— Мы берём вас на испытательный срок, — сказала арт-директор. — Работа интересная, но сложная. Я думаю вы справитесь.

Я посмотрела ей прямо в глаза.

— Постараюсь не обмануть ваше доверие.

Я вышла из студии и пошла пешком через весь город. Дул пронизывающий ветер, но мне было не холодно. Я будто ожила и во мне появилось желание жить, творить, дышать полной грудью.

Дома я сняла с себя костюм, надела старую пижаму, села за ноутбук и долго смотрела на чистый холст графического редактора. Потом взяла планшет и провела первую линию. Потом вторую, получилась довольно широкая полоса, которая уходила вдаль. И потом добавила на нее маленькую фигурку.

На этой дороге была я и впереди меня ждал целый мир.

Вечером позвонила Олеся.

— Ну что, мам, как все прошло? — спросила она с порога.

— Меня взяли на испытательный срок, — сказала я. — Как ты думаешь, я справлюсь?

— Конечно, — в её голосе звучала гордость. — Ты со всем справишься, это я точно знаю.

— Леся, — я помолчала немного. — Спасибо тебе.

— За что?

— За то, что напомнила, кто я есть.

Она засмеялась, и этот смех был как бальзам на мою душу. Мой тоннель, казалось, закончился. Или нет — просто я перестала бояться идти по нему в темноте. Потому что теперь я знала: где-то впереди есть свет. И я дойду до него.

А ещё я знала, что больше никогда не позволю никому говорить о себе то, что я никчёмная, что я не справлюсь одна, что я слабая.

Я уже справилась.

Я просто забыла, кто я на самом деле. Но теперь вспомнила, что я сильная женщина, которая может надеется только на себя. И это было только начало.

Глава 5.

Нас развели через три месяца. Сергей видимо очень торопился, квартиру он оставил мне (и я ему была благодарна за это), машина досталась ему, у нас не было друг к другу претензий, поэтому все прошло быстро. Он приезжал в суд в новом костюме, от него благоухало дорогим парфюмом. Ольга ждала его в коридоре, нервно листая свой телефон. Когда я вышла из зала заседаний, она вскочила, сделала шаг в мою сторону, но я прошла мимо, не замедляя шага.

— Даша, подожди! — окликнула она меня.

Я остановилась. Не потому, что хотела её выслушать. Просто ноги сами собой вдруг замерли.

— Что тебе нужно? — спросила я, не оборачиваясь.

— Я... — голос у неё дрожал. — Я хотела перед тобой извиниться.

Я медленно повернулась. Она стояла в длинном пальто, бледная, с красными глазами. Сергей вышел следом, встал чуть позади, положив руку ей на плечо. Жест собственника или защитника, хотя, от кого от нее собрался защищать? От меня? Он наверное думал, что я сейчас вцеплюсь ей в волосы???

— Ты хотела извиниться передо мной? — переспросила я, глядя ей прямо в глаза. — Извиняйся, я жду.

Она смешалась. Наверное, ожидала, что я скажу ей что-то вроде «поздно» или «не стоит». Но я смотрела на неё спокойно, выжидающе, с любопытством. Что она могла мне сказать? Какие слова способны заштопать дыру, которую она оставила в моей жизни?

— Прости меня, — выдавила она. — Я знаю, что поступила очень подло по отношению к тебе. Я не должна была давать волю своим чувствам... мы не должны были...

— Не должны были что? — я склонила голову набок. — Зажиматься в туалете в мой день рождения? Или два года делать из меня дуру?

Она всхлипнула. Сергей напрягся, но промолчал.

— Ты знаешь, Ольга, — я говорила ровно, без надрыва. — Я думала об этом три месяца. Думала, что бы я сказала тебе, если бы мы с тобой снова встретились. И знаешь, к чему я пришла?

Она смотрела на меня, затаив дыхание.

— Мне не нужны твои извинения, — сказала я. — Потому что они ничего уже не изменят. Ты не вернёшь мне те пятнадцать лет, которые я тебе доверяла. Ты не вернёшь мне веру в людей. Но я тебе даже благодарна.

— За что? — прошептала она.

— За опыт, — я улыбнулась. — Теперь я точно знаю, что никому нельзя доверять и верить. И это знаешь ли дорого стоит...

Я развернулась и пошла к выходу. Сергей окликнул меня:

— Даша, стой.

Я не остановилась. Шла к дверям, чувствуя, как меня сверлят их глаза. В стеклянной двери отражалось моё отражение — прямая спина, высоко поднятая голова. Я вышла на улицу, вдохнула холодный воздух и поняла, что всё правильно. Я не хочу их прощать, такое просто не прощается.

Свою новую работу я полюбила с первого взгляда. В нашей студии царил творческий хаос: на столах лежали горы эскизов, на стенах висели мудборды, в коридоре стояла доска с магнитами. Моя начальница Жанна, арт-директор, оказалась требовательной, но справедливой женщиной. Она не делала скидку на мой прошлый опыт, она ждала от меня хороший результат.

— Даш, твой макет по «Северному сиянию» просто отстой, — сказала она на второй неделе, кидая на мой стол распечатку. — Вода, а не работа. Переделать.

Я переделывала ее три раза. На четвёртом варианте она сказала:

— Хорошо. Но еще не идеально.

Я шла домой уставшая, но довольная. Голова гудела, пальцы устали от планшета, но внутри росло странное чувство: я кому-то была нужна. Меня ценили за то, что я умела, а не за то, как я умела угождать.

Коллеги поначалу относились ко мне настороженно: новый сотрудник, да ещё и в возрасте. Но я не лезла в душу, не пыталась никому понравиться, не старалась чем либо выделиться. Просто молча делала свою работу. И постепенно настороженность сменилась уважением.

— Дарья Сергеевна, а как вы это сделали? — спросила меня стажёрка Карина, заглядывая через плечо, когда я колдовала над сложным коллажем.

— Показать как? — спросила я.

Она кивнула, и следующие полчаса я объясняла ей принципы наслоения текстур. Карина слушала, открыв рот, а потом выпалила:

— Вы бы лучше преподавали! У вас здорово получается.

Я рассмеялась. Преподавать? Мне? Женщине, которая пятнадцать лет просидела в одном издательстве, боясь что-то менять? Но эта мысль засела где-то глубоко.

— --

Через месяц после развода Катя позвала меня в кафе. Мы сидели у окна, пили кофе с корицей, и она внимательно меня разглядывала.

— Ты выглядишь иначе, — сказала она.

— Похудела? — уточнила я.

— Не только. — Она отставила чашку. — В тебе появилось что-то... я не знаю, как объяснить. Ты стала жёстче, что ли. Но не злой. Сбранной.

Я пожала плечами.

— Может быть. Просто теперь я понимаю, что время — единственное, что у меня есть. И тратить его на жалость к себе я больше не хочу.

Катя помолчала, потом спросила осторожно:

— Ты не жалеешь, что ушла из издательства? Там же была стабильная работа...

— Стабильная? — я усмехнулась. — Кать, я сидела там десять лет, делала одно и то же, получала за это копейки, начальник меня никогда не ценил. А я боялась уйти, потому что Сергей говорил: «Сиди на месте, у тебя же есть я».

— А Ольга что? — спросила она тихо. — Ты с ней так и не поговорила?

— Почему же? Поговорили с ней в суде. Она просила у меня прощения.

— И что ты ответила?

— Что мне не нужны её извинения. — Я отпила кофе. — Знаешь, я думала, что буду всю оставшуюся жизнь ненавидеть её. А потом поняла — ненависть требует сил, а у меня их для нет. Я просто вычеркнула её из жизни.

Катя рассмеялась, но в глазах у неё стояли слёзы.

— Ты стала такой мудрой за эти месяцы, — сказала она. — Я смотрю на тебя и горжусь.

— Мне скоро сорок шесть лет э, — я улыбнулась. — Пора уже взрослеть.

— --

В пятницу вечером, когда я разбирала свою почту, пришло письмо от Сергея. Пришли официальные бумаги о разделе имущества.

Через минуту пришло новое уведомление. Уже не от него, а от Ольги. Я увидела имя на экране и на секунду замерла. Потом все-таки открыла.

«Даша, я знаю, что ты не хочешь меня слушать. Но я должна тебе это сказать. Ты была для меня больше, чем подругой. Ты была мне сестрой, которой у меня никогда не было. И то, что я сделала — это самое подлое, что я совершала в своей жизни. Я не прошу больше у тебя прощения, потому что понимаю — ты меня никогда не простишь. Я просто хочу, чтобы ты знала: я ненавижу себя за это. Каждый день, каждый час, каждую минуту. Сергей... он не сделал меня счастливой. Если ты думала, что я украла твоё счастье и теперь счастлива: поверь, нет. На чужом несчастье, счастье не построишь».

Я перечитала это сообщение три раза. Потом закрыла его, подумала и удалила его. Не стала ничего отвечать ей. Просто потому, что не было слов. И не было желания их искать.

— --

В выходные я съездила к Лесе. Мы гуляли по городу, потом зашли в маленькое кафе на набережной, она рассказывала про свою учёбу, про своих однокурсников, про парня, с которым она встречалась, но который, кажется, не оправдал ее надежд.

— Mam, а ты не хочешь с кем-нибудь встречаться? — спросила она, когда мы ели мороженое.

Я чуть не поперхнулась.

— С кем это?

— Ну, не знаю. — Она пожала плечами. — Ты молодая, красивая, интересная. Почему бы и не найти себе мужчину?

— Леся, мне сорок пять лет уже.

— Ну и что? — она посмотрела на меня с вызовом. — Ты что, решила, что твоя жизнь на этом закончилась?

Я засмеялась.

— Нет, конечно. Просто... я пока не готова к новым отношениям. Я только-только начала привыкать к тому, что я одна. И мне это очень нравится.

— Тебе нравится быть одной? — она недоверчиво прищурилась.

— Знаешь, — я задумалась. — Я никогда раньше не жила одна. Сначала с родителями, потом в общежитие, потом стали жить с Сергеем. И я всегда под кого-то подстраивалась. А теперь... теперь я могу делать что хочу. Могу лечь спать в десять, могу в три ночи. Могу есть на завтрак пирожное, могу вообще ничего не есть. Могу включить музыку на полную громкость и танцевать в трусах посреди кухни.

— Мам! — Леся засмеялась, закрывая лицо руками.

— Я серьёзно, — улыбнулась я. — Я впервые в жизни принадлежу только себе. И это такое замечательное чувство... когда ты никому и ничего не должна.

Она посмотрела на меня долгим взглядом, потом сказала:

— Ты стала совсем другой. Я тебя такой не помню.

— Какой такой?

— Сильной. Свободной. — Она улыбнулась. — И мне это нравится.

— --

Вернувшись домой, я долго сидела у окна, глядя на набережную. Я вспомнила тот вечер, холодный дождь, сломанные каблучки. Мне казалось тогда, что жизнь моя закончилась. Что я никогда не смогу дышать полной грудью.

А оказалось, что я ошибалась. Моя жизнь только начинается.

Я открыла ноутбук и зашла на сайт курсов по дизайну, которые давно присматривала. Карина права — преподавание может быть интересным занятием. Я записалась на вебинар, потом открыла графический редактор и начала новый проект.

На чистом холсте появилась дорога. Такая же, как тогда, несколько месяцев назад. Но теперь фигурка на ней шла не одна. Рядом с ней появилась другая, поменьше, а впереди, в конце пути, замаячил свет.

Я работала до полуночи, пока не почувствовала, что глаза слипаются. Закрыла ноутбук, выключила свет и пошла в спальню. На стенах висели новые картины, которые я купила на замену старым, чтобы они больше не напоминали мне о прошлом. В шкафу висела одежда, которую я выбрала для себя сама, а не та, которая нравилась мужу. На кухонном столе стояла чашка, которую я тоже выбрала сама — яркая, необычная, с абстрактным рисунком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.